

Александра Крыленкова / Фото: «Международный Мемориал»

26.12.2019, 08:11 **Вся Россия**

ИНТЕРВЬЮ

Как и зачем объединились родственники российских политзаключенных

Российское государство может посадить любого. Такое осознание пришло к участникам объединения «Матери против политических репрессий», где собрались родственники фигурантов громких (и не очень) уголовных дел. Корреспондент «Эха Москвы в Петербурге» Сергей Кагермазов поговорил с координатором этого движения правозащитницей Александрой Крыленковой.

Объединение «Матери против политических репрессий» возникло в ноябре 2019 года. Его участники убеждены, что преследование их родных неправомерно и незаконно. Вместе они организуют и проводят различные акции, чтобы привлечь внимание к своей беде, помогают друг

другу, готовят передачи родным в тюрьмы и СИЗО. В объединение вошли родственники фигурантов «московского дела», дела «Сети», Нового величия», «Ростовского дела», дел Азата Мифтахова, Сергея Рыжова, «Хизб ут-Тахрир» и других.

Мамы фигурантов «московского дела» и дела «Нового величия» Анны Павликовой и Даниила Конона 9 декабря объявили голодовку. Они требуют справедливого суда над политзаключенными и встречи с президентом России. На следующий день к голодовке присоединилась председатель общественного комитета «Свободу Шестуну» Влада Русина. Мать подсудимого по делу «Сети» Дмитрия Пчелинцева Светлана, которая работает кардиологом, 11 декабря взяла голодающих на медицинский контроль.

Чем сейчас занимается объединение?

— Проводят различные акции в поддержку политзаключенных. Часть готовит обращения к известным матерям мира. На некоторое время почти вся деятельность застопорилась, потому что все занимаются поддержкой, в том числе и информационной, матерей, которые объявили голодовку. Поэтому других действий сейчас довольно мало.

Сколько в объединении человек?

— Трудно посчитать. Это не членское объединение, где все написали заявления и стали членами организации. Я бы сказала так: у нас в рабочем чате 65 человек.

Кто эти люди?

— Это всё родственники политзаключенных и я.

Вы одна там как правозащитница?

— Структура такая. Есть объединение матерей и других родственников. В основном матерей, там мало других —

две сестры, несколько жен и две невесты. А есть инициативная группа активистов, которые помогают с пикетами, с какими-то информационными вещами. Это около десяти молодых людей. Есть еще матери, которые так или иначе общаются с нами. В наше объединение входят матери мусульман, которых преследуют по обвинению в участии в «Хизб ут-Тахрир». У этих матерей есть свое объединение «Родительская солидарность». Их более ста человек. Из них с нами плотно общаются около 15.

Так что как посчитать общее количество, совершенно непонятно. Например, по делу «Нового величия» не все матери активно участвуют в нашем объединении, у них есть свое. В общем, ассоциативно с нашими 65 участвуют еще человек 150.

Как вы координируетесь?

— Если получается, встречаемся в Москве, а так в основном онлайн.

Идею объединения подал правозащитник Лев Пономарев. Писательница Людмила Улицкая выступила в вашу поддержку. Кто еще из известных людей помогает вам?

— Пономарев помогал создать часть тех объединений, которые я перечислила. Не знаю, кто еще из правозащитников постоянно общался бы с матерями.

Почему так? Какое-то настороженное отношение, быть может?

— Нет, просто тут очень много про поддержку родственников, про взаимоподдержку и так далее. «Русь сидящая» нам очень помогает. «Новая газета», например, предоставляла помещение для пресс-конференции. Московская Хельсинкская группа постоянно помогает с помещениями для встреч и публичных мероприятий.

Большой съезд мы проводили 7 декабря. Из разных регионов приехали больше 50 человек. Проводили в «Мемориале». Все помогают, но активно в работе участия не принимают. Это уже не очень правозащитная деятельность, скорее солидарность.

Все ли родственники политзаключенных присоединились к вам?

— Чтобы мы позвали кого-то и люди не пришли, я такого не видела не разу. Понятно, что некоторые в силу удаленности или занятости не могут активно участвовать. Но чтобы кто-то сказал: «Нет, мне эта идея не нравится. Она вредная», — я с таким не сталкивалась.

Объединение существует уже больше месяца. Какой настрой у его участников?

— Мне кажется, матери рассчитывали на большую информационную поддержку, но пока настрой боевой. Сейчас на фоне голодовки все очень переживают за голодающих, а еще почти у всех одновременно идут суды. Это не то объединение, где есть стабильность. Это постоянно меняющаяся ситуация. У кого-то в это время приговоры, у кого-то — избрание меры [пресечения]. По «московскому делу» все время какая-то катавасия творится: то отпускают, то сажают. А это всё матери, для которых это все очень животрепещуще.

Так что сказать, что есть какое-то постоянное настроение, нельзя, потому что оно все время меняется. Однако в целом все по-прежнему считают, что это очень важный шаг, потому что до сих пор по каждому делу родители справлялись самостоятельно. Казалось, что это в их кругу такая беда. А какая беда у анархистов? Мусульман? У тех, кто выходит на уличные акции? Объединение показало, что это общая беда и неважно, кто ты.

По сути, как дела рассматриваются, какие доказательства используются — всё очень похоже. Я правозащитой занимаюсь давно, но даже я не видела, чтобы дела были так повсеместно и настолько похожи. Есть, например, сержант Егор Метлин из Тамбова, есть мальчишки-анархисты, есть ребята, которые выходили на митинги в Москве, есть ребята по «Ростовскому делу», есть парень по имени Сергей Рыжов, которого по мальцевскому делу еще судят. Совершенно одинаково всё, правда. Суды, обыски, фальсификация доказательств.

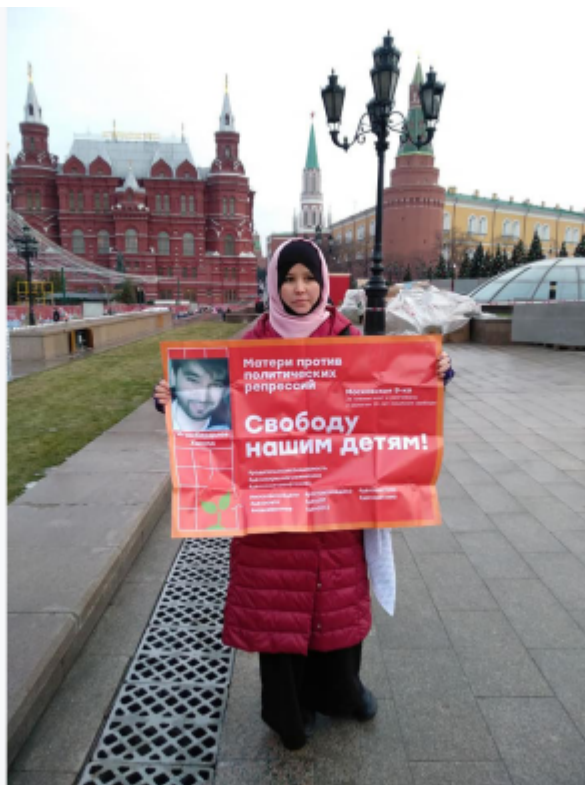
Одиночные пикеты «Матерей против политических репрессий», 7 декабря, Москва / Фото из фейсбука Александры Крыленковой

Одиночные пикеты «Матерей против политических репрессий», 7 декабря, Москва / Фото из фейсбука Александры Крыленковой

Одиночные пикеты «Матерей против политических репрессий», 7 декабря, Москва / Фото из фейсбука Александры Крыленковой

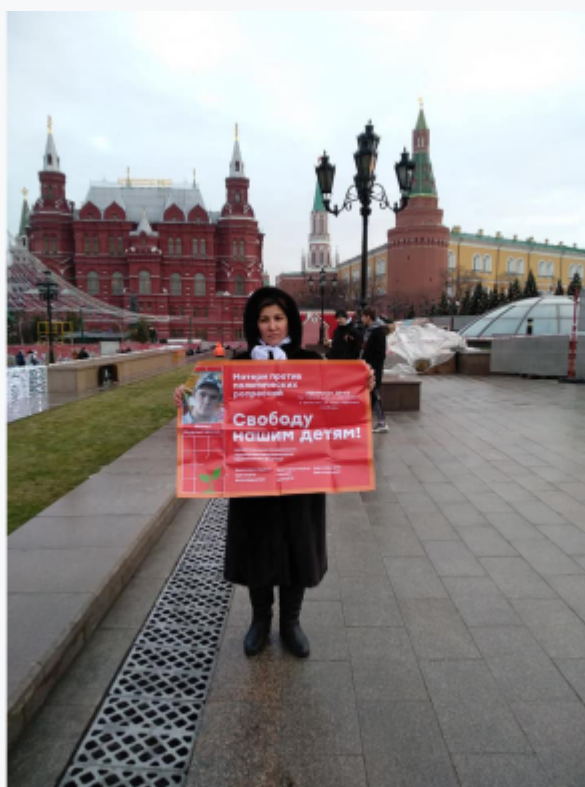
Одиночные пикеты «Матерей против политических репрессий», 7 декабря, Москва / Фото из фейсбука Александры Крыленковой

В тот день на пикетах задержали Юлию Виноградову (мать Анны Павликовой, обвиняемой по делу «Нового Величия»), Светлану Пчелинцеву и Татьяну Чернову (матери обвиняемых по делу «Сети») / Фото из фейсбука Александры Крыленковой

В тот день на пикетах задержали Юлию Виноградову (мать Анны Павликовой, обвиняемой по делу «Нового Величия»), Светлану Пчелинцеву и Татьяну Чернову (матери обвиняемых по делу «Сети») / Фото из фейсбука Александры Крыленковой

В тот день на пикетах задержали Юлию Виноградову (мать Анны Павликовой, обвиняемой по делу «Нового Величия»), Светлану Пчелинцеву и Татьяну Чернову (матери обвиняемых по делу «Сети») / Фото из фейсбука Александры Крыленковой

Спустя месяц стало ли понятно, чего не хватает объединению, кроме достаточного медиаосвещения?

— Когда создается какое-либо другое объединение, там собираются профессионалы. Они готовы действовать. Они субъекты, а тут происходит очень сложный переход от объекта защиты к субъекту. Матери из опекаемой группы становятся теми, кто защищает. Тут не собрались люди, которые, например, умеют читать юридические документы, писать тексты, проводить мероприятия. Тут собрались люди, у которых одинаковая беда. Этому всему приходится учиться. Это такой очень интересный, но сложный процесс. По-моему, матери с ним прекрасно справляются. Сами делали сайт, группу в социальной сети, сами проводят мероприятия.

Почему в объединении не считают, что это какой-нибудь коварный Навальный подставил их детей как провокатор или, например, некие террористы заманили в свою организацию? Почему настроены скептически именно к следствию?

— В объединение они уже пришли с этим знанием. Однако я наблюдала эту трансформацию у очень многих. Очень похоже на все стадии принятия неизбежного: отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие. Вот эти все мысли: «А вдруг это только со мной? А может, он сам виноват? А может быть, он меня подвел? Пошел вот туда-то, а мог бы не ходить. Этого мог бы не делать, того мог бы не говорить». Через это проходят все родные. Даже те, которые и так интересовались политикой до этого и хорошо понимали, что происходит в стране.

Однако когда ты видишь, что это происходит не только с тобой, когда разговариваешь с другими, как это с ними произошло, то это, конечно, очень сильно меняет отношение. Наталья Конон, мама Даниила Конона, очень любит об этом говорить: то, что случится с человеком, — это, по-большому счету, везение. По «московскому делу»

это прям видно. Может, отпустят, а может, не отпустят. Как говорит Наталья, матерям тех, кого отпустили, придется смотреть в глаза матерям тех, кого нет. И это ни от чего вообще не зависит, ни от того, что человек сделал, ни от того, как его защищали.

Или кому-то по «московскому делу» дали два года, а кому-то четыре, а по делу «Сети» ребятам грозит до 20. Это очень сложная история. Ты понимаешь, что тебе приходится общаться с теми матерями, детей которых посадили на 20 лет. Это очень страшно, поэтому те матери, у кого детей отпустили, они активно участвуют в объединении, та же Наталья Конон, мама Сергея Абаничева. Они так делают, потому что иначе невозможно. Если твоего ребенка отпустили, не значит, что все хорошо.

Что собирается делать объединение в следующем году?

— Объединение называется «Матери против политических репрессий». Оно не называется «Матери политических заключенных». Хотим привлекать больше матерей, донести до общества, что эта проблема касается любой матери, любого ребенка, даже потенциальной матери. Хотим в будущем году привлечь к движению матерей, у которых, извините за выражение, детей еще не посадили. Мне кажется, люди должны понимать, что это может случиться с любым.

Как простой человек может помочь объединению?

— В первую очередь информационно. Это самое главное. Можно помочь деньгами, реквизиты есть на сайте. У матерей есть символ — это белая косынка в черный горошек. Мы хотели бы, чтобы этот символ распространялся насколько можно широко, чтобы люди носили его в знак солидарности с матерями политических заключенных.

